

В. ЖЕЛЕЗНИКОВ

Наша марка (Детская литература)

Владимир Железников

Жизнь и приключения чудака

Издательство «Детская литература»

1974

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Железников В. К.

Жизнь и приключения чудака / В. К. Железников —
Издательство «Детская литература», 1974 — (Наша марка
(Детская литература))

ISBN 978-5-08-005676-5

Главный герой повести, Боря Збандуто, чудака из шестого «Б», постоянно попадает в такие ситуации, когда надо принимать быстрые и верные решения. Благодаря своему доброму сердцу и отзывчивости, мальчик сумел помочь девочке Наташе и ее отцу в трудные минуты их жизни. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005676-5

© Железников В. К., 1974
© Издательство «Детская
литература», 1974

Содержание

Тетрадь с фотографиями	8
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Карпович Железников

Жизнь и приключения чудака

© Железников В. К., наследники, 1974

© Гальдяев В. Л., наследники, иллюстрации, 1974

© Оформление серии. АО «Издательство „Детская литература“», 2017

* * *

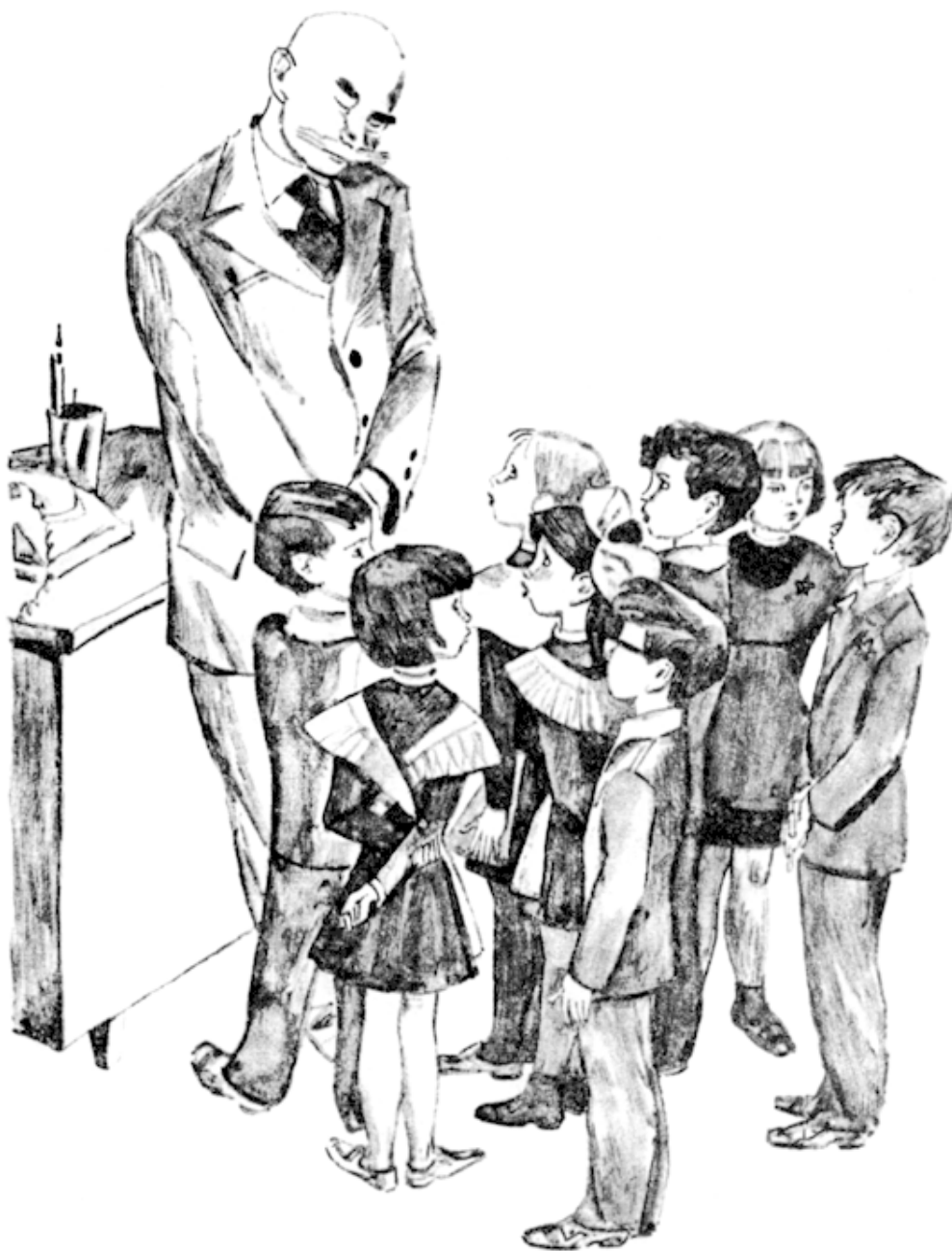

Тетрадь с фотографиями

Ванда, варвар, гунн! Но, в отличие от них, на тебе лежит печать цивилизации нескольких столетий! Может быть, ты считаешь, это не имеет значения? Посмотрим, посмотрим...

Из высказываний тети Оли в мой адрес

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме к дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, все же спросил:

– Надеюсь, ты меня не подведешь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тетя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: «Неистребим дух хвастуна!»

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тети Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: уступила мне свою комнату, а сама переехала к сестре на другой конец Москвы. Получается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие. Ну, отдала комнату и отдала и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пеленок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что!

В общем, она умоталась, и слава богу, потому что я не люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Хотя тетя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведешь. У меня глаз наметанный. Я давно усвоил: главное в жизни – не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А ее надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому что в нашем классе их собирают все; плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил, но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вклеили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова «индивидуальность» понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тетя Оля слышала словечко «умоталась»! Вот бы подняла шум: «Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нем разговаривал сам Пушкин!»

Но оставим тетю Олю в покое.

Так вот, заметьте: уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

– Ты куда? – спросил Сашка.

– Никуда, – ответил я. – А ты?

– И я никуда, – сказал Сашка.

– А у меня, – сказал я, – есть десять рублей, – вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

– Подумаешь! – сказал Сашка.

– Да это же мои собственные! – возмутился я.

– Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

– Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стоит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

– А куда? – дотошно спросил он. Я ответил:

– Естественно, в магазин.

– А в какой?

– «Все для женщин».

– Что-то я такого магазина не знаю, – сказал недоверчиво отец. – А ты, часом, не врешь?

– Я? Ты что?!

А мне понравилось название «Все для женщин». По-моему, прекрасное. А он так грубо: «Ты не врешь?» Недаром тетя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

– А где он находится? – продолжал он допрос.

– На улице Веснина. Как свернешь, сразу по левую руку.

– Там всю жизнь была керосиновая лавка! – завопил папа.

– Ее снесли, – храбро ответил я. – И выстроили новый магазин.

Ну, а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот магазин выглядит и что там продают, а цены, цены, – куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему еще многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина «Все для женщин».

Между прочим, я потом сходил на эту улицу Веснина. Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое разочарование.

На всякий случай я вошел в лавку и... почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было, а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал еще до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что еще один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришел домой и выкрасил свою кровать в синий цвет. Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся.

Правда, когда я закончил красить, мною овладело легкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придаться к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто, без всяких вступлений отвесила хороший подзатыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжелая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после ее подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и самолеты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тетя Оля.

– Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец! – кричала мама. – Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи? «Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тети Оли, передразнивая ее), дайте ему простор»!

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она действительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

– Ну чего ты? – сказал я. – Из-за кровати...

– Да нет, – ответила она, – из-за тебя. Растешь балбесом.

– Я обязательно исправлюсь, – сказал я. – Честное слово. Вот увидишь.

Мама безнадежно махнула рукой.

Эта безнадежность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суeta!

* * *

Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девчонка.

Она улыбнулась нам, как старым знакомым, и сказала:

– Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова. А я ее действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами до четвертого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на нее. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что соврем, будто одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить ее домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки и, чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки: букву – я, букву – Сашка.

Это все я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошел он не в будний день, а в воскресенье, и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, ее звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с ней раньше не были знакомы. А в тот день, когда я ее спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну и теперь мы написали записку ее словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я еще раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красавицу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки. И Сашке, видно, тоже, потому что он шел рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

– А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе? – спросила Настя.

– Он у нас знаменитый флейтист, – ответил я за Сашку.

– Молодец, – сказала Настя. – А ты, Боря, чем увлекаешься?

– Я? Исключительно ничем.

– Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

– Еще один воспитатель на мою бедную голову! – сказал я.

– Извини, – тихо ответила она. – Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с Монаховой. Она нас просто околдовала. «Но посмотрим, поборемся, не на таких наскочила», – подумал я и тут же сделал все наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс «А». Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жует. И представьте, я согласился. Именно из-за нее, из-за Насти Монаховой.

Вот как все было. Влетает, значит, в класс Нина, дожевывая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от нее, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ «ик». Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова «ик». А потом Нина узнала, что это мой способ отделяться, когда воспитывают, и невзлюбила меня. И вот, когда теперь она мне заявила: «А я по твою душу, Збандуто», – у меня все внутри похолодело от предчувствия беды.

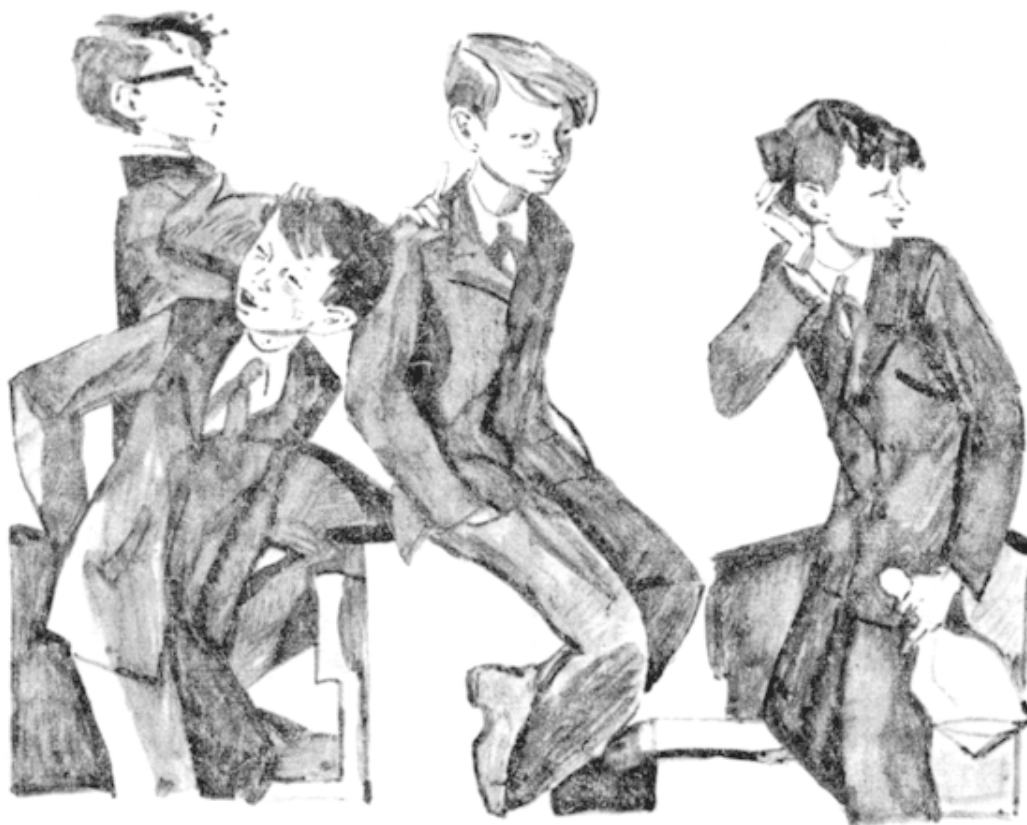
– Что это вдруг? – удивился я. – Вроде еще ничего не случилось.

– Случилось. – Нина загадочно-загадочно улыбнулась. Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

– Интересно, – тут же стремительно вступил в игру Сашка.

– Ребята, минуту внимания! – сказала Нина. – Во-первых, поздравляю вас с новым учебным годом!

– Уря-а-а! – закричал кто-то тоненьким голосом.

Я воспользовался тем, что Нина отвернулась, подмигнул Насте и сполз под парту.

– А во-вторых... – сказала Нина торжественным голосом. После этого наступила тишина. Видно, Нина повернулась лицом к нашей парте, а меня нет, а я тю-тю! Сидел себе и похихикивал.

– А где Збандуто? – спросила Нина.

– Не знаю, – ответил Сашка. – Только что был тут.

В этот момент на меня напал чих. Я зажал рукой нос, сморщился и чихнул про себя, но не рассчитал и треснулся головой о парту. Гул пошел по всему классу. Ясно было, что теперь меня обнаружат.

И действительно, я увидел, что Нина лезет под парту. Я закрыл глаза и откинул голову на скамейку.

– Что с тобой, Збандуто? – участливо спросила Нина.

– Он сомлел, – сказал Сашка. – Здесь душно. Отвык за лето от школьной обстановки.

– Воды! – приказала Нина.

Я слышал, как кто-то услужливо побегал за водой и вернулся обратно. Потом этот кто-то приподнял мою голову и нахально ливанул полграфина воды мне за шиворот.

Тут я вскочил. Ну конечно, передо мной стоял Сашка. В руках у него был графин с водой. Он был очень доволен, потому что вызвал всеобщее веселье. Даже Настя хохотала. По-моему, он унизил меня ради нее. Я бы на его месте так не поступил.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – спросила Нина участливо. – Получше?

– Ничего, – сказал я. – Только зачем же лить воду за шиворот? Разве нельзя было просто побрызгать в лицо?

– Хорошо, – сказала Нина, – в следующий раз. Она надо мной издевалась.

– А теперь, ребята, я вам сообщу новость, – снова торжественно начала Нина. – Совет дружины назначил одного из вас вожатым в первый класс «А». – Она повернулась ко мне и объявила: – Бориса Збандуто.

И тут почему-то поднялся невообразимый шум. Все начали смеяться, а больше всех – мой друг Сашка. Каждый острил как мог, нарочно перевирая мою фамилию.

– Донато! Ха-ха-ха! – закричал Сашка. – Он научит их получать двойки.

– Бандито! Плакали деревья в школьном дворе!

– Надуvато! Научи их лупить девчонок!

– Бить окна!..

– Играть в расшибалочку!..

Все ребята хохотали, и я тоже не отставал от них. Действительно, какой из меня вожатый!

– Ну хватит! Посмеялись – и хватит! – серьезно сказала Нина. – Согласен, Збандуто?

– Нет, – ответил я. – У меня профессиональная негодность. Я от волнения заи... заи... заикаюсь.

Ребята снова засмеялись.

– То ты икаешь, – сказала Нина, – то ты заикаешься. Довольно валять дурака. Говори: согласен или нет?

– А что я буду с ними делать? – спросил я.

– Подготовишь в октябрюта, – ответила Нина.

– Будешь их сажать на горшки и вытирать носы! – выкрикнул Сашка и посмотрел в спину Насти.

Он явно хотел ей угодить. И тут она оглянулась и сказала те самые слова, которые и втянули меня в эту историю. Потом-то оказалось, что она просто пошутила.

– Что здесь смешного? – сказала она. – Это ведь серьезное дело.

На секунду наши глаза встретились, и я вдруг, к своему величайшему удивлению, услышал собственный голос, который произнес:

– Я согласен.

– Несчастный Надувато, мне тебя жаль! – Сашка корчился от смеха.

– Может, помолчишь? – спросил я. – А?

– Ну, вот и хорошо, Збандуто, – сказала Нина. – Мы знаем твои слабости, но доверяем. А ты должен оправдать это доверие.

– Можете на меня положиться, – громко ответил я и победно оглядел притихший класс.

– Подумай, о чем ты будешь говорить с ними на первом сборе. Для этого нужна какая-то находка, – предупредила Нина.

По дороге домой я думал о первоклассниках. Мы с ними понаделаем дел. Можно, к примеру, перейти на ускоренное обучение: за год – три класса. Вот будет пожар! Все обалдеют. Может быть, моим методом сможет воспользоваться наша школа или даже вся страна! А можно еще организовать для них учение во время сна. Они будут ночью спать и учиться, а днем гулять. Чем не жизнь?.. Идеи так и роились в моей голове.

Пусть теперь Н. Монахова скажет, что я ничем не увлекаюсь. Воспитать современного человека, подготовить его для жизни в двадцать первом веке – это поважнее, чем пиццать на флейте.

И тут меня осенило: надо для первой встречи произнести речь. Это будет та самая «находка», о которой говорила Нина.

Я вытащил на ходу из портфеля тетрадь и, остановившись, быстро написал: «Дорогие ребята, пионерская организация...»

Дальше у меня почему-то не пошло, хотя сама находка показалась мне блестящей. И, не в силах сдержать радость, я побежал домой, чтобы рассказать обо всем маме.

* * *

Дверь мне открыла Полина Харитоньевна. С тех пор как я ее спас от неминуемой смерти, она зачастила к нам: пьет с нами чай или обедает. Ей нравилось, что из наших окон хорошо видно, кто куда пошел, кто что понес, кто как одет. Мама ее жалела и говорила, что в ней, в Полине Харитоньевне, сильны пережитки прошлого, что она из буржуазной среды. Конечно, ей ведь восемьдесят лет.

Вид у Полины Харитоньевны был испуганный, особенно в этом странном салопе, который она натянула на себя. А в тот момент, когда она открыла дверь, меня как раз снова посетило вдохновение, и я выпалил ей прямо в лицо продолжение своей речи.

– Дорогие ребята! – крикнул я торжественно-торжественно. Я теперь начинал понимать Нину. – Пионерская организация, известная своим благородством...

– Что-нибудь случилось? – спросила Полина Харитоньевна, отступая.

– Случилось, – ответил я.

– Что? – Полина Харитоньевна всего боялась.

– Меня назначили вожатым! – крикнул я и пролетел мимо нее в комнату, чтобы записать продолжение речи.

Она вошла следом за мной:

– Вожатым? Тебя?

Я вырвал листок из тетради и быстро стал записывать речь.

– В первый класс «А», – ответил я.

– Ну что ж, Бока, теперь ты должен будешь показывать пример другим.

– Не называйте меня больше Бокой, – попросил я, – я уже не маленький.

– Хорошо, – согласилась Полина Харитоньевна. – Может быть, пообедаешь?

– Нет, – твердо ответил я, – я буду сочинять речь... и развивать силу воли. Волевой человек может добиться чего угодно.

Я склонился к столу, потому что почувствовал, что меня опять осенило.

В это время хлопнула входная дверь. Пришла мама. Я выскочил ей навстречу.

– Мама! – закричал я. – У меня хорошая новость!

– Тише, тише, не кричи так, – попросила она.

– Меня назначили вожатым в первый класс, – с ходу перешел я на шепот.

Мама скептически поджала губы. До чего же все-таки взрослые скучный народ! Я думал, она закачается или хотя бы улыбнется. Ну ничего, когда она узнает, какие я задумал дела, поверит в меня.

– Только не называй меня больше Бокой, – предупредил я и удалился в свою комнату.

Речь была написана, и теперь, нежно разглаживая эту драгоценную бумагу, я учил ее наизусть.

– «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своими славными делами, пригласила меня к вам, нашим младшим товарищам...»

Я перестал читать, подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине, чтобы послушать, что обо мне говорят мама и Полина Харитоньевна.

– Неужели исправится? – долетел до меня голос мамы. – Неужели возьмется за ум?

– А что вы думаете, – ответила Полина Харитоньевна. – Обещал развивать силу воли.

– Боже мой! – вздохнула мама. – Чего он только не обещал развивать: и силу воли, и память, и внимательность, и не лгать, и не драться, и, наконец, помогать мне!

Я решил напомнить о себе и прокричал в замочную скважину:

– Чтобы я закалил вас и подготовил нам достойную смену... – На слове «смена» у меня сорвался голос, и получилось не очень красиво.

Тем не менее я прильнул глазом к скважине: Полина Харитоньевна и мама были передо мной как на ладони. Представьте, они с аппетитом обедали, пока я страдал на благо общества. Я с возмущением открыл дверь.

– А-а, Бока, – сказала мама. – Может быть, все же пообедаешь?

– Опять «Бока»! – возмутился я. – Это, наконец, надоело!

Но за стол я сел. От этой речи я здорово проголодался.

После обеда я вновь вернулся к своей работе. Пробежал речь глазами и остался доволен. Вот только нет в ней упоминания о мужестве. Вставил в нескольких местах слово «мужество».

– Борька! – крикнул кто-то за окном. – Збандуто! Я узнал Сашкин голос.

«А-а-а, притащился! – подумал я. – Ну покричи, покричи. Только теперь мне не до тебя. Я занят серьезным делом, это тебе не этюды для флейты».

– «Дорогие ребята! Пионерская организация, известная своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, мужественным, мужественным...» – продолжал я повторять одно слово, как испорченный проигрыватель, явно выжидая, позовет меня Сашка еще или нет?

Нет, не зовет. Неужели ушел? Предатель! Бросает друга в трудную минуту! Чтобы убедиться, что Сашка действительно предатель, я подошел к окну – мы живем на первом этаже – и открыл его.

Сашка стоял на своем обычном месте.

– Ну, скоро ты? – спросил он.

– Не мешай, – ответил я. – Я занят.

– А как же я? – удивился Сашка. – Что же мне делать в полном одиночестве?

– Действительно, – я посмотрел на его постную физиономию, – а как же ты? – и, не раздумывая, полез в окно.

От сквозняка совсем нехоти распахнулась дверь, и мама с Полиной Харитоньевной увидели меня сидящим верхом на подоконнике.

– Ты куда? – закричала мама. – А как же твоя речь?

– Ничего, – ответил я, – даже министры читают свои речи по бумаге, – и прыгнул вниз.

* * *

Через несколько дней, когда все ребята и я, между прочим, уже забыли, что меня назначили вожатым, в нашем классе появились две маленькие девочки. Все, конечно, тотчас уставились на них. Это ведь необычное событие.

А я в это время стоял на голове на спор с Сашкой. Стоял, поглядывал на Настю и болтал ногами. На этот раз победителем выходил я. Сашка отстоял до ста, а я пошел на вторую сотню. Между прочим, это полезно. Только учителя этого не понимают. Говорят – хулиганство. А как же йоги?

Да, наша дружба с Сашкой из-за Насти зашла в тупик. С ним творится что-то невозможное. Он преследует меня днем и ночью (во сне).

Сегодня мне приснилось, что он, Сашка, уже генерал и Настя выходит за него замуж. Я проснулся в холодном поту.

Каждый раз, когда я обращаюсь к Насте, его вечно розовое лицо с двумя спелыми помидорами вместо щек делается бледным, как у мертвеца. Насколько я понимаю, это ревность. Хорошо, что он мне приснился с нормальным лицом, а то я закричал бы и разбудил маму. Я всегда кричу, когда мне снится что-нибудь страшное.

Чем это все кончится, не знаю. Из-за ревности и не такие люди погибали. Говорят, раньше многие из-за этого пускали пулю в лоб или сердце. Надеюсь, Сашка не последует этому глупому примеру. Я же изо всех сил старался облегчить его страдания. Вчера угостил его двумя стаканами сока на выбор, истратив еще шестьдесят копеек из бывшей десятки. Причем сам я выпил стакан чистой газированной воды за копейку!

– Чего вам надобно, крошки? – спросил Сашка.

– Нам нужен Боря З... – Девочка покраснела: ей трудно было выговорить мою фамилию.

А вторая ей помогла:

– Занудо...

Все только этого и ждали и сразу засмеялись.

Я догадался, что это девчонки из первого «А», вскочил на ноги и стал незаметно вытеснять их из класса.

– Это я и есть. Только я не Занудо, а Скандуто, – переврал я свою фамилию.

– Извините, – сказали девчонки в два голоса. – Мы из первого «А». Вы наш вожатый. Мы вас ждем уже неделю.

К нам подскочил Сашка, загородил меня от девчонок и крикнул:

– Бегите, детки, он вас съест. Он Серый Волк! – Он дернул одну из них за косу.

Все стали хохотать еще больше.

Я подумал, что Сашка их сейчас доконает и они убегут, но тут вмешалась Настя и всю игру спутала.

– Перестаньте, – сказала она. – Борис, что же ты?

И действительно, мне стало стыдно. Что это я? Ведь я сам не люблю, когда над другими издеваются.

– Послушай, Красная Шапочка, – многозначительно произнес я, – мы же разговариваем, – отстранил Сашку рукой и сказал: – Я приду к вам. Сегодня. После уроков. Будет сбор. Я уже речь написал.

Вот так-то. Знай наших!

После уроков я заметил, что Сашка необычно быстро собирает портфель. Его поспешность мне была ясна: я видел, куда он косил глаза.

В это время Настя вышла из класса. Я выскочил следом за ней.

– Привет! – крикнул на ходу Сашка, обгоняя меня в коридоре.

Встретились мы на первом этаже около библиотеки.

Когда он увидел меня, то прикинулся, что ничего не видит, и хотел пройти мимо. А я, видно тоже от смущения, подставил ему ножку, и он растянулся во весь рост.

– Ты что?! – взревел он, вскакивая. – Обалдел? – И трахнул меня портфелем.

Я в ответ тоже. В результате у нас вышла настоящая современная дуэль. Из-за женщины, потому что каждому из нас было ясно, чего мы здесь околачиваемся.

А тут появилась и сама виновница нашего поединка. Она вышла из библиотеки.

– Чего это вы деретесь? – спросила Настя. – А еще друзья!

– У нас дружеская драка, – сказал Сашка, зло поглядывая на меня.

– Разминка после уроков, – поддержал я.

А в следующий момент произошло нечто неожиданное: в одном из классов открылась дверь, в нее просунулась голова какого-то малыша, который, увидя меня, издал оглушительный, победный клич:

– Ребята! Боря при-ше-о-ол!

Стремительно, как будто их выпустили из катапульты, из класса вылетела толпа детей и дикой ордой устремилась на меня. Они смотрели на меня с немим восхищением, как на бегемота в зоопарке. Через секунду Настя и Сашка оказались отесненными в дальний угол.

Я криво улыбнулся. Я совсем забыл, что обещал к ним прийти, и смущенно сказал:

– Давайте пойдем в класс. Там мы будем в своей тарелке.

– Пошли в свою тарелку! – крикнул какой-то находчивый малыш.

– Пошли! Пошли! – загалдели остальные.

В классе ребята уселись за парты и притихли. На доске большими печатными буквами было выведено: «БОРЕ УРА!»

– Ну, это уж слишком, – сказал я и стер надпись. Откашлялся, дрожащими руками разгладил на учительском столе листок с речью и начал:

– «Дорогие ребята! – Голос у меня был странный, дребезжал, как старый репродуктор. – Пионерская... организация... всем известная...»

Я легкомысленно оторвал руку, придерживавшую листок, а легкий ветерок, ворвавшись в открытую форточку, взметнул мою драгоценнейшую речь, унес с учительского стола и уронил на пол.

Я проследил за листком тупым взглядом, но поднять не решился.

– «Пионерская организация, всем известная...» – начал я наизусть и замолчал. Слова окончательно вылетели у меня из головы.

Мальчишка с первой парты догадливый оказался: поднял листок и положил передо мной на стол. А я, как заправский телевизионный диктор, который читает текст по бумажке, но делает вид, что совсем не читает, скосив глаза, быстро прочел:

– «...Пионерская организация, всем известная... – На секунду поднял голову, криво усмехнулся: „Повторенье – мать ученья“, и продолжал: – Своим мужеством, прислала меня к вам, нашим младшим товарищам, чтобы я вас закалил и подготовил нам достойную мужественную смену...» – Я умолк окончательно.

– Ура-а-а! – закричал мальчишка с последней парты.

– Не надо, – сказал я.

Стало тихо и неизвестно, что делать дальше. Первоклашки преданно смотрели на меня.

– Ну, давайте познакомимся, – упавшим голосом сказал я. На первой парте сидели девочки, которые приходили ко мне.

– Тебя как зовут? – спросил я одну из них.

– Стрельцова, – ответила она, вставая.

– Фамилий не надо, – предложил я. – По фамилиям скучно. Давайте только имена.

– Зина, – сказала Стрельцова и села.

– А меня Наташа, – сказала ее соседка.

У этой Наташи были круглые глаза, как пятаки, и эти пятаки не отрываясь следили за мной.

– У нас две Наташи! И обе дуры! – выкрикнул какой-то острослов с последней парты.

Мальчишки засмеялись, а Наташа захлопала своими пятаками. Видно, собиралась разреваться.

Я направился к этому острослову. Я угрожающе приближался к нему.

В классе стало тихо.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Генка, – ответил он.

– А сколько у вас Генок?

– Трое.

– Надеюсь, не все такие умные?

Ребята засмеялись, и острослов Генка тоже. А Наташа уставила на меня свои пятаки и сказала:

– Нет, только этот... Костиков.

– Значит, ты Генка Костиков? – Я немного повеселел и спросил соседнего мальчишку: – А ты?

Мальчишка встал и, сильно смущаясь и краснея, прошептал что-то неразборчиво.

– Громче, – попросил я.

– Толя! – вместо него выкрикнул Генка. – Он у нас трус. Как девчонка.

– Тихо, тихо, – сказал я. – Храбрость дело наживное. Садись, Толя. – И повернулся к классу: – Продолжим знакомство...

И тут со всех сторон защелкало, как горох:

– Лена!

– Лена!

– Гена!

– Саша!

Они вскакивали и садились, как оловянные солдатики.

– Сима!

– Коля!

– Леша!

– Шура!

Сначала я пытался запомнить имена ребят и их лица, даже пальцы загибал, но вскоре понял всю тщетность этой затеи.

У меня от них голова пошла кругом. Они были ужасно одинаковые, эти первоклашки. Все в форме. Все с белыми воротничками. Девочки – с косичками. Мальчишки – с челками. Да еще одно имя на двоих или троих.

– Довольно! – решительно прервал я этот поток имен. – На первый раз достаточно. Хватит!

Отошел к окну, чтобы сосредоточиться, и увидел, как Настя и Сашка пересекали школьный двор. Они шли рядом, и Сашка все время хохотал. Вероятно, рассказывал что-нибудь смешное про меня. Это его излюбленный прием. Надо было отделаться от первоклашек и догнать их.

– Вот что, ребята, – сказал я, – мы пойдем с вами в автоматическую фотографию. Там вы сфотографируетесь, тогда я вас по фотографиям и запомню.

Малыши завывали от восторга. Ужас, до чего они были восторженные!

– А сейчас мы возьмем портфели и ранцы и дружно побежим домой. Только бегом до самого дома! Понятно?

Они, конечно, не поняли, что я просто решил сбежать от них, зашумели и дружно стали расхватывать свои портфели.

– Приготовились! – скомандовал я, делая незаметно шаг к двери, чтобы выскочить первым. – За мной!

Я сделал стремительный рывок, сильно толкнул дверь и на легких парусах покинул коридор первоклашек.

А они, эти несчастные, неумелые дети, рванули к дверям все одновременно. Ну, конечно, застряли, и получилась классическая пробка.

Ловко я от них отделался. Хотя, если совсем честно, мне было немного не по себе. Неинтересно их обманывать: они всему верят. Я представил себе, как они придут домой и будут рассказывать про меня и про то, что я собираюсь их вести в автоматическую фотографию... А я-то совсем не собирался.

Нет, пожалуй, надо. Свою их в фотографию, раз обещал. Это было последнее, что я подумал о первоклассниках, ибо я увидел впереди Настю и она застила для меня весь мир.

Где-то рядом с ней, в полутумане, прыгал и корчился Сашка.

* * *

Мы играли в футбол. Шестой «В» на шестой «А». Я стоял в воротах, а Сашка был в нападении. Это была принципиальная игра, но дело не только в этом. Среди зрителей сидела Настя. Понимаете?

И вдруг слышу чей-то писклявенький зовущий голосок:

– Бо-ря!

Скосил глаза. О боже! Возле меня появилось милое видение – та самая первоклашка, у которой глаза как пятаки.

Я сделал вид, что не слышу. Нечего сказать, нашла подходящее время для задушевной беседы!

Она снова окликнула меня:

– Бо-ря!

Я оглянулся, посмотрел на нее с диким удивлением, точно вижу впервые:

– Ты меня?

Она кивнула, представьте!

Я снова отвернулся. А она не уходит и говорит мне в спину:

– Я Наташа Морозова из первого «А».

– Ну и что? – спросил я.

– Там собака, – ответила она. – Я боюсь, а мне надо домой.

– Ты же видишь, я занят, – возмутился я.

– А я думала, – сказала девчонка, – ты меня проводишь.

От этих ее слов я чуть не упал, даже перестал следить за игрой и едва поймал мяч.

Нет, вы видели? У всех ребят детство – лучшая беззаботная пора жизни, а у меня каторга! В футбол не дают поиграть. Нет, нет, нет, меня на жалость не возьмешь! Я не буду жалостливым. Она испугалась собаки! Подумаешь! И если даже та ее немного покусает, ничего страшного.

Через пять минут мне стало ясно: она без меня никуда не уйдет.

В общем, я вынужден был попросить замену.

Не оглядываясь, я побежал к школьным воротам. За мной, еле поспевая, бежала Наташка.

Ну уж тут я высказался. Я ее пригвоздил, растер в порошок! Я сказал ей:

– Если ты боишься, пусть тебя мамочка встречает. Или папаша. Я в няньки не нанимался.

– У меня папа в Африку уехал, – ответила Наташка.

– Куда? Куда?

– В Африку.

– А ты хоть знаешь, где находится Африка? – спросил я.

– Конечно! – Она рассмеялась. – Я даже стихи про Африку знаю: «В Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...»

– И всё? Больше ты ничего не знаешь про Африку? Ну и нечего врать.

Она вдруг остановилась:

– Я никогда не вру.

– Совсем? – выскочило у меня.

– Совсем, – ответила Наташка. – Я не умею.

– Не горюй! – Я похлопал ее по спине. – Этому я тебя научу.

– Зачем? – спросила Наташка, и ее глаза-пятаки превратились в воздушные шары.

Я засмеялся, не зная, что ответить. Действительно, глупо получилось.

– Я пошутил. Я сам никогда не вру, – сказал я.

И тут меня затрясло от смеха, потому что мы подошли к школьным воротам, а там прыгала привязанная на ремешке к изгороди собачонка на тонких ножках, с оттопыренными ушами.

– И ты ее испугалась? – возмутился я.

Протянул руку, чтобы погладить собачонку, но она неожиданно оцетинилась, зло залаяла и рванула поводок. Я еле успел отскочить.

– Вот видишь! – сказала Наташка. – Она кусается. – Взяла меня за руку и крепко прижалась.

– Ну ладно, африканка, – сказал я, – до свиданья.

– Спасибо! – крикнула девочка.

Я посмотрел ей в спину. До чего смешная! Ноги – как у африканского страусенка.

В это время подошел хозяин собачонки и стал отвязывать ее от изгороди.

– Между прочим, – сказал я громко, – здесь ходят маленькие дети.

– Учтем, – ответил хозяин собачонки.

Подошел троллейбус, Наташка села в него. Водитель поторопился закрыть двери, и ее портфель прищемило.

Я бросился на выручку: застучал кулаком по двери. Водитель снова открыл двери, и портфель плюхнулся на тротуар. Я подхватил портфель, прыгнул в троллейбус и позвал:

– Наташка, ты где?

– Я здесь, – ответила Наташка.

Водитель закрыл двери, и троллейбус тронулся.

– Всё из-за тебя! – угрожающе прошипел я и сунул ей портфель.

Вскоре троллейбус остановился, я сошел, и она тоже сошла.

– А ты чего? – удивился я.

– Здесь мой дом, – сказала она.

– И ты пешком не можешь пройти одну остановку?

– На троллейбусе интересней.

– «Интересней»! – передразнил я ее. Я здорово обозлился.

Я стал стягивать наколенники, а то на меня все оглядывались: они были натянуты поверх брюк.

– А твой дом где? – не унималась Наташка.

– Там... – Я неопределенно махнул рукой и пошел.

– А можно, теперь я тебя провожу? – Она догнала меня.

– Нельзя, – ответил я. – Я возвращаюсь на футбол. Конечно, когда я прибежал в школу, никакого футбола не было и все разошлись. Я уже собирался уходить, как вдруг вижу: ко мне подбегает Наташка.

– Ты чего вернулась? – спросил я.

– Я хотела узнать, чем кончилась игра, – сказала она. – Кто победил?

– Тоже мне болельщица! – возмутился я.

– Боря, а теперь можно, я тебя провожу?

– Провожай, провожай! – От нее нельзя было отделаться. Домой мы возвращались вместе. Она оказалась смешной и симпатичной. С ней легко было разговаривать. Ее отец действительно уехал работать в Африку. Он врач. А матери у Наташки нет. Она умерла, когда Наташка была маленькой. И теперь они живут вдвоем с бабушкой, пенсионеркой.

Ну тут я, чтобы поддержать разговор, сказал, что у меня тоже есть знакомая пенсионерка – тетя Оля.

– Пенсионерка! – повторила радостно Наташка и засмеялась.

Почему ей было смешно, я не понял. Не всегда ведь так сразу поймешь этих маленьких.

– Все пенсионерки смешные, – объяснила она. – В тот день, когда им разносят пенсию, они не выходят на улицу – боятся прозевать почтальона.

Правда, она веселая. Она мне так понравилась, что я разменял еще один рубль из папиной десятки и угостил ее мороженым. Она его лизала медленно, чтобы растянуть удовольствие.

– Боря, – спросила Наташка (она все время поддерживала разговор), – а твой отец куда уехал в командировку? – Улыбнулась и добавила: – Тоже в Африку?

Шутница!

– Нет. В Сибирь. Он живет среди тофаларов.

– А кто такие тофалары? – спросила Наташка.

– Это маленькая народность в Сибири.

– Так это люди, – догадалась Наташка. – А я про них ничего не слышала. А что он там делает?

– Ищет метеорит в тайге. – Мне нравилась эта игра. Она была неиссякаема на вопросы.

– А что такое «метеорит»? – спросила Наташка.

– Это небесное тело. Может быть, осколок далекой звезды.

– Осколок звезды! – восхищенно прошептала Наташка.

– Он летит к Земле со сверхзвуковой скоростью и так разогревается, что превращается в огненный шар.

– В огненный шар, – повторила она. Все-таки я ее потряс.

Наташка подняла глаза к небу, надеясь увидеть в нем этот огненный шар, но увидела только солнце. Сощурилась – глаза у нее превратились в щелки – и спросила:

– Как солнце?

– Нет, – ответил я. – Он маленький. Я вижу, вас надо учить еще да учить.

– Конечно, – согласилась Наташка. – Боря, а ты не знаешь, как спят африканские жирафы?

Ну и девица, что придумала! Я бы мог соврать ей или отшутиться, сказать: «Они спят задрав кверху копыта», или: «Они спят на земле». Но я честно признался, что не знаю. И самое удивительное – мне самому понравилось то, что я сказал правду. Это было что-то новое во мне и подозрительное. Уж не заболел ли я?

В это время я заметил Сашку, стоящего возле нашего дома. В руках у него был мяч, он небрежно постукивал им об асфальт. Рядом, около стены, лежали наши портфели.

Я остановился и стал перевязывать шнурки в ботинках, а сам соображал, как отделаться от Наташки. Не хотелось бы, чтобы они сталкивались.

– Иди, – прошипел я, – тебе пора домой.

– Ничего, – успокоила меня Наташка, – я не спешу. Тогда, все еще завязывая шнурки, я медленно повернулся к Сашке спиной, чтобы уйти.

Я даже прополз несколько шагов на четвереньках, и так, может быть, я бы полз через весь двор, но неожиданно передо мной выросла стена в виде Сашки.

– Ну что? – спросил я беззаботным тоном, делая вид, что Наташка вроде бы не со мной. – Зайдем ко мне?

Собственно, если бы он ответил мне сразу, ничего и не произошло бы, но он так долго обсасывал свой леденец, как будто это было самое важное занятие в мире.

Он сосал леденец и презирал меня. Щеки у него были пунцово-малиновые, и поэтому особенно контрастно выделялся синяк под глазом, который кто-то ему поставил во время игры.

И вот тут-то нетерпеливая Наташка вполне дружески ворвалась в нашу беседу.

– Какой у вас синяк! – сказала она и заботливо добавила: – Вам надо к врачу.

Сашка ей ничего не ответил и стал кричать, что они продули игру из-за меня, потому что я поставил в ворота размазню, что я совсем в последнее время ошалел, что ему противно со мной разговаривать, что я предатель.

– Так вы проиграли, – разочарованно сказала Наташка. Сашка секунду помолчал и, не поворачиваясь к ней, не вытаскивая изо рта леденца, едва разжимая губы, процедил:

– А ну валяй отсюда, шмакодявка!

Наташка посмотрела на меня, ждала, видно, что я за нее заступлюсь.

А я сказал:

– Иди, иди! Тебе пора.

Она повернулась и пошла, медленно так пошла, – может, думала, что я все же ее окликну.

Глупо, конечно. И со стороны может показаться смешным. Подумаешь, проиграли в футбол! Но я-то знал, что этот проигрыш для Сашки большое несчастье. И чтобы как-то его успокоить, кивнул в спину удаляющейся Наташки и сказал: «Вот привязалась!» – но не рассчитал и произнес эти слова слишком громко.

Наташка услышала и, не веря своим ушам, оглянулась. Глаза у нее снова из пятакров превратились в воздушные шары. Два голубых воздушных шара.

Может быть, она с таким предательством никогда не сталкивалась. Только что были верными друзьями, рассказывали друг другу биографии, ели мороженое, смеялись, и на тебе!

И тут я увидел, что на Наташку движется какая-то гигантская собака. Не собака, а буйвол! Я догнал ее и сказал:

– Спокойно. Я здесь.

Она радостно схватила меня за руку прижалась и ответила:

– А я с тобой, Боря, даже собак не боюсь.

Вот здорово! Значит, она не обиделась. Действительно, чего на меня обижаться? Подумаешь, что-то не так сказал. Важно, *что* сделал.

– Портфель забыл! – крикнул Сашка.

Я вернулся за портфелем. Когда я подбежал, он расшнуровывал мяч. Я ждал, что он мне еще скажет, а он нахально выпустил воздух из камеры мне в лицо и сказал:

– Воспитатель! – взял портфель и удалился.

– Да ты не волнуйся, – жалким голосом крикнул я ему вслед, – мы их обыграем!

Он не откликнулся.

– Спасибо за портфель, – не сдавался я.

Вот что меня губит, так это жалость и то, что я эмоциональный человек – не раздумывая совершаю разные поступки. Мне бы сейчас надо было перетерпеть, не бросаться Наташке на помощь, а я не выдержал.

А ведь мне Сашка дороже, чем она. У нас одна жизнь, одни идеалы. Нам вместе жить да жить. А эта пигалица уже стояла опять около меня. Треснуть ее, что ли, по макушке, чтобы отделаться раз и навсегда? Я поднял руку для щелчка, но снова натолкнулся на ее доверчивые прямодушные глаза и, вместо того чтобы ударить, обнял за плечи.

* * *

В этот день я прибежал в школу раньше обычного. В портфеле у меня лежало заявление о том, что я ухожу в отставку с высокого поста вожатого, поскольку это мешает моей личной жизни.

И действительно, эти первоклассники одолели меня окончательно. Они мне не дают ни вздохнуть, ни охнуть. Вчера, например, притащился Толя. Лицо серьезное, глаза жалостные. А мы в классе были вдвоем с Сашкой. Сидели на парте и тихо обсуждали проблему Насти.

Дело в том, что накануне Настя и я совершили незабываемую прогулку. Мы бродили по улицам, сидели на скамейке на бульваре, плевали с Крымского моста в воду, за что были обруганы прохожим «верблюдами», выпили две бутылки лимонада и съели по три эскимо.

Правда, мне это дорого обошлось, я истратил еще один папин рубль, но зато было весело.

Теперь придется купить маме подарок посерьезнее. В конце концов, дело не в дорогом подарке, а во внимании.

А Сашка, когда узнал о нашей прогулке, покрылся страшной бледностью. Эта бледность так долго держалась у него на лице, что я испугался за его здоровье. Вот ревнивец!

Но я открытый человек и не стал скрывать от Сашки свои истинные намерения, а предложил ему начать генеральную битву за Настю. Мы решили оба за ней ухаживать под покровом полнейшей тайны – это было непременно Сашкино условие, – пока она не полюбит кого-нибудь из нас. Победенный гордо удалится.

Ну вот, сидим мы, значит, и шепчемся о Насте, и вдруг входит Толя. А Сашка как раз расспрашивал меня во всех подробностях о нашей прогулке, ему интересно. И поэтому когда он увидел Толю, то закричал на него. А я вскочил на подоконник и стал открывать форточку, будто бы чтобы проветрить класс.

Я подумал: может быть, Сашка его выгонит, но уже через секунду почувствовал, как кто-то тянет мою штанину. Ах, так? Ну пожалуйста! Я спрыгнул с подоконника, вытащил заявление и поднес к Толиному носу. Он мне ответил, что такие буквы читать не умеет. Тогда я ему объяснил, что не буду больше у них вожатым, потому что это мешает моей личной жизни.

Он это выслушал, но не ушел. Стоял, как-то странно сжавшись, засунув руки глубоко в карманы.

– Ну, что тебе? – спросил я.

– По секрету, – тихо ответил Толя.

Я нагнулся к нему, меня опять подвела жалость, и он, прижав губы к моему уху, прошептал свой секрет. Оказалось, он не умеет сам застегивать брюки. Я же говорю, с ума сойти можно от этих младенцев! Хотел ему тут же застегнуть брюки, но он кивнул на Сашку.

– Сашка, – попросил я, – выйди на минуту.

Сашка долго кривлялся и не хотел выходить, а потом вышел и, видно, рассказал нашим ребятам, потому что именно в тот момент, когда я застегивал Толе брюки, появилась Настя.

– Боже, – пропела она, – какая трогательная картина! Збандуто, ты просто создан для работы в яслях.

Я вскочил и стал подталкивать Толю к выходу, а он, наивная душа, решил мне помочь и сказал Насте:

– Там петельки маленькие. У меня ничего не получается. Вот тут уж начался хохот.

Между прочим, во время нашей прогулки с Настей выяснилось, что она, как и Сашка, считает, что нет в мире более скучного занятия, чем возиться с первоклассниками. Мне это показалось странным, ведь когда меня назначали вожатым, она говорила противоположное. Оказалось, тогда она шутила! А я на эту шутку клюнул и теперь жестоко расплачивался.

В общем, только я отделался от Толи и показал Насте свое заявление и она меня похвалила и сказала, что я решительный человек, как прибежала Зина Стрельцова, тоже, естественно, первоклассница, с криком, что Генка Костиков убивает Гогу Бунятова и вот-вот выбросит его в окно.

Ну конечно, я понимал, что ничего страшного в этом нет, когда мальчишки дерутся, и даже если какой-то Генка выбросит какого-то Гогу из окна, тоже ничего не случится – они ведь учатся на первом этаже.

Но потом я почему-то не вытерпел и незаметно выскользнул из класса, чтобы Сашка и Настя не догадались.

И представьте, не зря. Когда я прибежал в первый «А», то Генка Костиков на виду у всех продолжал дубасить неуклюжего толстяка Гогу Бунятова. Тот, видите ли, обозвал Генку «дворником», потому что он помогал матери подметать улицу.

По-моему, Генка лупил его за дело, и поэтому я растащил их не сразу, а когда Гога стал уж очень вопить.

– Что же ты? – сказал я Гоге. – Разве не знаешь, что все люди равны?

– Знаю, – ответил Гога. – Он первый начал дразниться «толстяком» и хлопнул меня по животу. А я крикнул на него без злобы, а он стал меня дубасить.

Тут мои воспоминания были прерваны, потому что в пионерскую комнату, в которой я сидел и ждал Нину, чтобы вручить ей заявление об отставке, вошла Наташка.

Я подскочил на стуле и сказал себе: «Осторожно, преследование продолжается». Тем более что за Наташкой бочком протиснулись Толя и Гога.

– Привет! – изображая радость, сказал я.

Они недружно ответили. Конечно, они пришли из-за меня к Нине, а тут я, собственной персоной.

– Ты Нину ждешь? – спросила находчивая Наташка.

– Нину, – ответил я. – А что?

– Ничего, – ответила Наташка. А у самой голос задрожал, но она все же нашла в себе мужество сознаться: – И мы к Нине.

Они стояли рядком, напротив меня, и не знали, что делать.

– Садитесь, – сказал я. – Будем ждать вместе.

– Конечно, – сказал Толя. – Вместе всегда веселей. – И взгромоздился на стул.

Наташка с Гогой тоже сели.

Помолчали.

Они за мной следили исподтишка, но я все прекрасно видел: как они переглядывались, как ободряли друг друга, как подталкивали для беседы.

– А у меня зуб больше не болит, – сказал Гога.

Дело в том, что я его вчера водил к зубному врачу. У них там дома все были заняты. Я хотел спросить у Гоги, отчего это он так вопил у врача, потом решил, что при всех не стбит.

– Боря, а как ты думаешь, Нина скоро придет? – спросила Наташка. – А то я сегодня дежурная.

– Не знаю, – ответил я.

Я стал их рассматривать, и под моим взглядом они перестали подталкивать друг друга – сидели не шевелясь. До чего же у них были смешные лица! Нет, правда. Вы когда-нибудь попробуйте всмотритесь в первоклассников. Это совершенно особенные люди. На их лица можно смотреть без конца. Они всегда живые: что на сердце, то и на лице.

– Боря, а может быть, ты передумал? – спросила Наташка.

– Ничего я не передумал, – ответил я.

А сам действительно испугался, что могу передумать, и стал себя растравлять и вспоминать, как я из-за них был неоднократно унижен. Они из меня сделали няньку: и брюки я им застегивал, и к зубному врачу водил. А вчера еще в добавление ко всему пришлось зашивать Наташке платье: она его разодрала на одном месте – села на гвоздь.

Тут я почувствовал, что погибаю, ибо все эти воспоминания не вызывали во мне ни протеста, ни негодования. Я вскочил, чтобы обратиться в бегство, но Наташка, хитрая душа, все поняла и тоже вскочила.

– Ты куда? – спросила она и загородила мне дорогу.

В это время, на мое счастье, в комнату вошла Нина, и я протянул ей заявление. Все произошло в одну секунду. Никто не успел опомниться, а Нина уже держала заявление в руке и читала.

– Так, – сказала она. – А вы чего, ребята? Они промолчали.

– Ах да, – сказала Нина, она их узнала. – Идите, идите. Я сама разберусь. – Проводила до дверей и вернулась ко мне. – Так. Значит, работа вожатого мешает твоей личной жизни?

– Интересы у меня совсем другие, – ответил я.

– Знаю я твои интересы: в футбол гонять вместе со Смолиным.

– Неправда, – возразил я. – Мы в кино ходим, и книги читаем, и всякое прочее.

– Они сюда пришли из-за тебя, – сказала она, – а ты «всякое прочее», «мешают личной жизни»! Ты вот за все это время ничего для них не придумал.

– Почему? – возразил я. – Я придумал. Надо отвести их в автоматическую фотографию.

– Зачем? – Она посмотрела на меня с некоторым удивлением.

– Они там сфотографируются, а потом эти снимки можно будет наклеить в толстую тетрадь. Ты передай это новому водителю, – великодушно предложил я, – пусть он их отведет.

– А зачем? – снова спросила Нина.

Кажется, произошла осечка. Она ничего не поняла.

– Фотография автоматическая, работает без фотографа. Детям будет интересно: можно любые рожи корчить.

– Знаешь, Збандуто, хорошо, что ты подал заявление, – сказала Нина. – Нет в тебе гармонии. И выдумки твои нелепые.

– Так ведь они люди будущего, – сказал я. – Им технику и автоматику подавай.

Она не ответила, видно, забыла про меня. Склонилась над листом бумаги и чертила мужское лицо с бородкой.

– Так я пойду, – сказал я.

– А-а, это ты, – спохватилась она. – Ну ладно, найдем тебе замену.

А после уроков, когда мы с Сашкой заскочили в раздевалку за куртками, произошло новое событие. К Насте, которая прихорашивалась около зеркала, подошла Наташка. Я первый ее заметил и остановил Сашку. Мы спрятались между пальто. И услышали этот странный разговор.

– Ты чего, малышка? – спросила Настя у Наташки. До нас долетало каждое слово.

– Мне с вами поговорить надо, – ответила Наташка.

– О чем? – спросила Настя. – Пожалуйста. – А сама продолжала прихорашиваться перед зеркалом.

– Вы слышали, от нас Боря уходит? – произнесла Наташка, как будто это какое-то космическое событие.

– Ну и что? – спросила Настя.

– А вы скажите ему, чтобы он не уходил, – попросила Наташка.

– Ты думаешь, он меня послушает?

– Вы на него имеете влияние, – сказала Наташка.

– Почему? – удивилась Настя и посмотрела в мою сторону. Она говорила все время громко и играла в такую наивную-наивную девочку.

– Вы красивая, – сказала Наташка. – А красивые на всех имеют влияние!

Последние слова Наташки, видно, понравились Насте, потому что она ответила:

– Хорошо... Я ему передам. Так что спи спокойно, малышка.

– Спасибо, – сказала Наташка и выбежала. Мы вышли из раздевалки.

Настя уже сидела в вестибюле, нога на ногу, в нетерпеливом ожидании.

– Ну пошли! – сказала она, вставая.

– Есть предложение поехать на Ленинские горы! – заорал Сашка.

А я вдруг, сам не знаю почему, бросил портфель на стул и крикнул:

– Подождите! Сейчас!

Стремительно взбежал я по лестнице, влетел в пустой первый «А», подошел к доске и написал: «ЗАВТРА ПОСЛЕ УРОКОВ ИДЕМ ФОТОГРАФИРОВАТЬСЯ. БОРИС». И повернулся, чтобы бежать вниз, к Насте и Сашке, но вместо этого прошелся между партами.

На полу валялась ленточка – какая-то девчонка обронила. Поднял эту ленточку. Постоял. Мне здесь было хорошо. И все нравилось: и маленькие парты, и неумелые рисунки на доске, и эта ленточка, которую я держал в руке.

– Ну вот я и вернулся, – тихо сказал я. Подошел к парте, за которой «сидел» Толя.

– Как сидишь! – закричал я на него. – Опять сгорбился? Нехорошо. – И «стукнул» его по спине.

Тишина пустого класса не смущала меня. Я снова шагал между партами, пристально «вглядываясь» в лица ребят.

– А ты чего плачешь? – спросил я Зину Стрельцову. – Кляксы посадила? Не страшно. Все мы с этого начинали.

Подскочил к Генке:

– Срам! Ты же будущий космонавт, а в носу ковыряешь!

Тут я заметил Гогу Бунятова:

– А ты! Не стыдно? Ты достоин презрения! Дразнить товарища за то, что он вместе с матерью подметает улицу! Ты что, не знаешь, что «мамы разные нужны, мамы всякие важны»? Да, по-моему, вы без меня пропадете. Сколько еще у вас недостатков! Решено: я остаюсь навсегда!..

Когда я спустился в вестибюль, Насти и Сашки не было. На стуле одиноко лежал мой портфель.

...А на следующий день я снова прибежал в школу раньше всех, чтобы Нина не успела назначить к моим первоклассникам нового вожатого. Выхватил у нее обратно заявление и на радостях влетел в класс, размышляя о том, как поведу детей фотографироваться.

В классе в полном одиночестве сидела Настя. От неожиданности я замер. А она встала мне навстречу. Помню, я еще успел подумать: «Да, ревнивец Сашка, проспал ты свое счастье». И точно, она пригласила меня пойти после школы в кино. А я молчал и чувствовал, что блед-

нею, бледною, как Сашка во время припадка ревности, потому что знал, что должен ей отказать.

– Чего же ты молчишь? – спросила она.

– Я веду своих ребят фотографироваться.

– Подумаешь! – сказала она. – В другой раз сводишь. Обещанного три года ждут.

– Не могу, – твердо ответил я и еще больше побледнел.

– Ох, надоел ты мне со своим детским садом! – сказала она.

...Когда я выводил ребят из школы, то увидел Сашку и Настю, шагающих впереди нас. И они увидели нас и остановились. А ребята галдели, как десять тысяч воробьев, и не замечали ни Сашки, ни Насти.

Я сделал вид, что не вижу их, но Настя помахала мне:

– Мы в кино.

– Попутного ветра Гулливеро в сопровождении Лилипуте! – крикнул самодовольный Сашка и захохотал.

Конечно, со стороны мы представляли довольно смешную картину: я долговязый, рост сто шестьдесят, а детишки мне по пояс. Но представьте, Сашкины слова меня нисколько не задели. Я привык, что он не разбирается в средствах борьбы. То он мне вылил за шиворот полграфина воды, то на истории нарочно подсказал неправильную дату. А сегодня вообще где-то раздобыл старый ночной горшок и подставил мне. Я не заметил и сел. Все давились от смеха, а я обиделся на Сашку, чуть не заревел и, чтобы скрыть это, стал паясничать и напялил себе этот горшок на голову, за что был выгнан с урока.

Я благородный человек и не мстительный, я не обижаюсь на Сашку за то, что он все время пытается меня унижить. Я все равно люблю Сашку: он мой лучший друг. Может, и он когда-нибудь поймет это.

Зато малыши, когда увидели Сашку и Настю, поутихли и затаились. Догадливые. А Наташка спросила:

– Боря, может быть, ты пойдешь в кино? Мы можем сфотографироваться завтра.

Я ей ничего не ответил, только весело подмигнул. А ее глаза сначала превратились в пятаки, потом в воздушные шары, а потом... Нет, вы только представьте – она тоже подмигнула мне! Ну и девчонка, соль с перцем!

А потом началось настоящее веселье. Действительно, автоматическая фотография великолепная вещь!

Генка, отчаянная голова, снялся с оскаленными зубами. Толя прилепил к подбородку обрывок газеты. Зина Стрельцова высунула язык.

Все хохотали и никак не могли остановиться.

Взрослые на нас оглядывались и, может быть, даже возмущались. Но я-то уж знаю: если смешно, тут ни за что не остановишься. Тогда нужно придумать что-нибудь особенное, и я сказал:

– Сейчас пойдем есть мороженое. Из стаканчиков.

– Ура! Ура! – закричали все.

– А мне мороженого нельзя, – сказал Толя, – я болел ангиной.

– Жаль, – ответил я.

У Толи сразу испортилось настроение. Это было заметно.

– Ну что ж, полная солидарность: мороженое есть не будем. Купим пирожки с повидлом.

– А что такое «полная солидарность»? – спросил Гога.

– Это когда один за всех и все за одного, – сказал я.

– Полная солидарность! – обрадовался Толя. И все малыши дружно закричали:

– Полная солидарность, полная солидарность!

А когда стали покупать пирожки, я увидел, что Генка и еще несколько ребят отошли в сторону и стали внимательно рассматривать на витрине тульские самовары. Точно их с самого рождения интересовали только самовары и всякие там узоры на них.

Ясно: у них не было денег на пирожок. А у меня в кармане лежал остаток от известной десятки. И я принял единственно верное решение. Вытащил из кармана рубль, подошел к продащице пирожков, купил десять штук и сказал ребятам, этим любителям самоваров:

– А ну, налетайте!

Они отвернулись, как будто не поняли, такие гордые оказались.

– Ребята! – повторил я. – Ну, чего же вы? Налетайте! Сначала подошел Генка и вроде нехотя взял пирожок.

За ним потянулись остальные. Каждому ведь хотелось съесть пирожок. Последний я взял себе.

Вечером я расклеил фотографии малышей в тетрадь. Она стала как живая. Интересно было ее перелистывать...

* * *

Скандал получился неожиданный и грандиозный. Меня вдруг решили с треском снять с должности вожатого.

Как-то после уроков прибежала взволнованная Нина и сказала, чтобы я больше не смел ходить к первоклашкам. Она отошла к учительскому столу и крикнула мне оттуда:

– Ты слышал? Я тебе это категорически запрещаю!

– А мы сегодня идем в цирк, – сказал я.

– Никаких цирков! – сказала Нина и погрозила мне пальцем.

– Недолго ты царствовал, – сказал Сашка. И действительно, недолго.

Все, конечно, заахали и заохали и стали ко мне приставать с расспросами, но, честное слово, я сам не знал ничего. Тогда они привязались к Нине, и она ответила, что сейчас они узнают и закачаются, такой я тип.

Нина рассказала про все мои дела, перечисляя их долго, подробно и противно. И добавила, что я влияю дурно на детей, сею между ними вражду и смуту.

Это потому, что я сказал одной девчонке, что нехорошо ябедничать, а она спросила меня, что это такое, а я ей объяснил, и теперь ее все дразнят ябедой.

Тут я не выдержал, прервал плавную речь Нины и крикнул:

– Зато она больше не ябедничает. Успех достигнут!

Но она не обратила на мои слова никакого внимания и заявила, что совет дружины отстранил меня от должности вожатого...

В этот момент открылась классная дверь, и в проеме появилась секретарь директора, сама Розалия Семеновна, которую вся школа зовет «Чайная Роза», хотя, конечно, никто из наших ребят никогда не удостоивался ее взгляда. Ну, когда она появилась в дверях, Нина сразу забыла, что еще там решил про меня совет дружины, и уставилась на Чайную Розу.

– Кто здесь Збандуто? – Она даже не переврала мою фамилию.

– Я.

– К директору, – сказала Чайная Роза. – И вы, Нина, тоже.

Она не ушла, а продолжала стоять в дверях, пока я собирался. Никто мне ничего не сказал вслед, и никто не сострил, потому что все поняли: дела мои плохи.

На всякий случай я захватил с собой тетрадь с фотографиями – как ни плохи дела, а терять самообладание нельзя – и прошмыгнул мимо Чайной Розы летучей мышью; ни одна складка на ее платье не дрогнула.

Нина прошла к директору, а я остался ждать в секретарской вместе с Чайной Розой.

Странно, но у меня в жизни почему-то все получается наоборот. Когда я хотел уйти от первоклашек, когда они мне были безразличны, меня не отпускали, но как только мы по-настоящему подружились – на тебе!

А дело было ерундовое.

Генка подсунул Гоге живую ящерицу, Гога перекинул ее Наташке, а Наташка подбросила в парту Стрельцовой. Та сунула руку в парту, натолкнулась на ящерицу и как завопит: «Спасите, спасите! У меня в парте мышь! Она меня укусила!» Ну, учительница влезла в парту, достала ящерицу и отнесла в ботанический кабинет.

И ничего страшного не произошло бы, если бы не я!

Когда Наташка рассказала мне об этом случае, я возмутился и заявил, что мне надоела их трусость, что пора это преодолеть. А то одни боятся собак, другие – ящериц, третьи ни у кого ничего не могут спросить. Это не ребята, а какое-то сборище трусов! И я решил их перевоспитать. Пригласил к себе, когда мамы не было дома, и устроил тренировку по закаливанию нервной системы.

Они сидели в одной комнате, а в другой был погашен свет. Там было темным-темно. Я сказал, что буду магом, волшебником и великим врачевателем, который их спасет навсегда от трусости и дрожания.

Я ушел в темную комнату и стал их по очереди вызывать.

Каждый из них должен был войти в темную комнату и побыть там несколько минут, а я в это время издавал ужасные стоны и вопли.

Значит, я так кричал, а сам подходил к жертве и прикладывал ей к руке или к лицу какой-нибудь предмет: ложку или щетку.

Это называется «психотерапия». Между прочим, вполне научный метод. Если жертва выдерживала все испытания, то я радостно объявлял ей, что она теперь никогда и ничего не будет бояться: ни собак, ни кошек, ни ящериц, ни темных улиц, и так далее, и так далее.

В общем, все шло хорошо, и вдруг Зина Стрельцова, войдя в темную комнату, не выдержала и завопила. Она пустилась наутек, грохнулась и разбила себе колено.

Ну я, конечно, зажег свет, и мы стали дружно ее успокаивать и доуспокаивали до того, что она согласилась повторить опыт, точнее, не согласилась, а сама попросила и выдержала его достойно.

Но потом Зина пришла домой и рассказала все матери. А та еле дождалась утра, прилетела к нашему директору и стала кричать, что она забирает своего ребенка из класса, где появился какой-то ненормальный вожатый, который хочет из детей сделать инвалидов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.